

ОТЗЫВ официального оппонента
Павлова А.А.
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Волкова Григория Геннадиевича
на тему «Правовое значение первоначального исполнения для
понуждения к исполнению встречного обязательства в торговых
отношениях»
по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация Г.Г. Волкова посвящена исследованию сложных и практически значимых вопросов исполнения синаллагматических обязательств. Встречное исполнение относится к базовым институтам обязательственного права: именно через него реализуется подавляющее большинство договоров, опосредующих торговый оборот. Поэтому вопрос о том, при каких условиях сторона взаимного договора может добиться от контрагента исполнения в судебном порядке, представляет серьезный догматический и практический интерес.

Действующее законодательство отвечает на этот вопрос неудовлетворительно. Пункт 3 ст. 328 ГК РФ сформулирован предельно лаконично и не определяет ни правового значения первоначального исполнения, ни процессуальных последствий его отсутствия. Судебная практика восполнила этот пробел толкованием, при котором исполнение истцом собственного обязательства включается в основание иска, что приводит к результатам, плохо согласующимся с консенсуальной природой договора. Отечественная доктрина обращалась к этой проблеме преимущественно в комментариях к ст. 328 ГК РФ и в отдельных статьях; комплексные монографические исследования возражения о неисполнении встречного обязательства отсутствуют.

Между тем в германском, итальянском, французском праве этот институт давно и прочно вошел в арсенал гражданско-правовых средств, а вокруг его природы велась многолетняя научная дискуссия. Вовлечение этого опыта в отечественную науку способно оказать существенную помощь в модернизации российского законодательства. Сказанное с достаточной степенью демонстрирует актуальность исследования Г.Г. Волкова.

Автор использует широкий методологический инструментарий и основательно изучил доктринальные и нормативные источники, в том числе труды германских цивилистов XIX века, в которых сформировалось современное понимание возражения о неисполнении встречного обязательства. Обращение к историческому и сравнительно-правовому материалу не лишает работу конкретности: суждения диссертанта точно передают позиции других исследователей и вместе с тем ясно отражают его собственные идеи.

Научная новизна исследования выражается в том, что работа Г.Г. Волкова представляет собой одно из первых в отечественной науке комплексных исследований возражения о неисполнении встречного обязательства, проведенных с учетом теорий, разработанных в правовых системах, где этот институт многие десятилетия применяется на практике. Большинство выводов и положений диссертации носят обоснованный характер и хорошо аргументированы.

Несомненным достоинством работы является детальный исторический, догматический и сравнительно-правовой анализ, который позволил автору:

- сформулировать критерий синаллагматической связанности, согласно которому стороны осуществляют идеальный обмен основными обязанностями, признаваемыми ими юридически эквивалентными (с. 13 Диссертации; положение № 1, выносимое на защиту);

- показать, что из природы синаллагматических договоров не следует включение обстоятельств исполнения кредитором собственного обязательства в основание требования об исполнении встречного обязательства (с. 13 Диссертации; положение № 3, выносимое на защиту);

- обосновать, что возражение о неисполнении встречного обязательства является реализацией самостоятельного права (с. 13 Диссертации; положение № 4, выносимое на защиту);

- обосновать ошибочность сложившегося в судебной практике запрета взыскания предварительной оплаты;

- провести разграничение встречного и обусловленного исполнения и показать недопустимость поглощения первого вторым;

– обосновать дилаторный характер возражения и его материально-правовую природу (с. 13 Диссертации; положение № 6, выносимое на защиту).

Также заслуживают поддержки: вывод автора о допустимости отказа от заявленной эксцепции и о невозможности ее повторного заявления по тем же основаниям; вывод о возможности противопоставить эксцепцию цессионарию и об информационной обязанности cedenta, уступившего требование из неисполненного им синаллагматического договора.

Свои выводы диссертант удачно подкрепляет примерами российской и иностранной судебной практики. В работе содержатся и другие значимые выводы и предложения, направленные на последовательное толкование и применение правил о встречном исполнении обязательств.

Отдельно следует отметить научную смелость автора. Диссертант не ограничивается описанием сложившейся практики, а аргументированно подвергает критике устойчивые позиции судов, в том числе подход Верховного Суда Российской Федерации к взысканию предварительной оплаты (определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 04.05.2023 № 305-ЭС22-29133), и предлагает взамен последовательное решение, основанное на согласованной сторонами очередности исполнения.

Высокой оценки заслуживает и культура научной полемики. Автор обстоятельно разбирает позиции Е.В. Богданова, Б.М. Гонгало и Л.В. Санниковой о толковании п. 3 ст. 328 ГК РФ, Р.С. Бевзенко и К. Томале о природе эксцепции, М. Пляниоля и В. Голевинского о меновых договорах, М.А. Рожковой о допустимости отказа от материально-правовых возражений и в каждом случае противопоставляет им собственную развернутую аргументацию.

Работа написана ясным языком, изложение сопровождается промежуточными выводами, которые затем последовательно используются при построении авторской модели в главе 3. Результаты исследования имеют очевидное практическое значение: предложенная модель может быть использована при совершенствовании ст. 328 ГК РФ, а выводы о распределении бремени доказывания, форме и порядке заявления эксцепции, ее противопоставлении цессионарию и солидарным должникам могут быть востребованы в правоприменительной практике уже сейчас.

При высоком уровне диссертационного исследования оно, как и всякая самостоятельная работа, порождает замечания и вопросы, которые хотелось бы обсудить в ходе защиты:

1. В рамках положения № 5, выносимого на защиту (с. 13 Диссертации), автор достаточно категорично утверждает, что основанием для заявления возражения о неисполнении встречного обязательства является нарушение стороной синаллагматического договора именно основной обязанности по предоставлению.

Вместе с тем далее в тексте работы (с. 44 Диссертации) этот тезис звучит уже несколько иначе: «Применительно к российскому частному праву можно сделать вывод, что только основные обязанности по предоставлению должны находиться в синаллагматической связи друг с другом. Указанное следует считать общим правилом, которое при этом не исключает, что стороны могут своей волей связать дополнительные обязанности, и такая связь может быть как прямой, когда стороны непосредственно в договоре сделали указание на это, так и подразумеваемой».

Пользуясь возможностью, хотел бы попросить автора в рамках публичной защиты уточнить свою позицию относительно степени ригоризма данного вывода.

2. Положение № 7, выносимое на защиту (с. 13 Диссертации), содержит достаточно интересный вывод, что возражение о ненадлежащем исполнении встречного обязательства может воспрепятствовать удовлетворению требования кредитора только в том случае, если недостаток встречного исполнения является существенным.

Однако далее в тексте диссертации этот тезис не получает практически никакой серьезного обоснования. Утверждение диссертанта, что «подобное решение выглядит справедливым, учитывая те права, которые возникают у получателя ненадлежащего исполнения. Например, при получении товара ненадлежащего качества покупатель вправе требовать соразмерного уменьшения покупной цены (п. 1 ст. 475 ГК РФ)» (с. 155 Диссертации) вряд ли можно считать таковой аргументацией, поскольку оно, на наш взгляд, совершенно ничего не проясняет.

В этой связи хотел бы попросить автора в ходе публичной защиты привести развернутую аргументацию своего тезиса.

3. На с. 52 Диссертации, обосновывая тезис о возможности существования возмездных сделок, которые не могут рассматриваться в рамках синаллагмы, автор приводит пример прощения долга, когда такое прощение долга не является договором дарения (например, при наличии экономического интереса внутри группы компаний простить долг члену группы, уменьшив вследствие этого общую долговую нагрузку; досудебное погашение спорного долга в непросщенной части и др.).

Эта иллюстрация, кажется нам достаточно сомнительной. Во-первых, прощение долга являет собой пример распорядительной сделки, к которым в принципе не применима дифференциация на возмездные/ безвозмездные. Вопрос о возмездности/ безвозмездности может обсуждаться лишь применительно к обязывающим сделкам, которые выступают основанием прощения долга. Во-вторых, даже если вести речь относительно обязывающих сделок, являющихся каузой прощения долга, приведенный автором пример представляется неудачным. Совершенно не ясно, в чем состоит встречное предоставление в описанных сюжетах, а следовательно, на каком основании делается вывод, что каузой прощения долга выступает возмездный договор? Попутно заметим, что в п. 31 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6, на который ссылается автор, Верховный суд вел речь вовсе не о возмездности, а лишь об отсутствии намерения одарить, которое позволяло бы отграничить дарение (как возможную каузу прощения долга) не от возмездных, а от иных безвозмездных договоров.

4. На с. 57 Диссертации, автор оценивает как ошибочное мнение М.Ф. Пляниоля, что для отнесения договора к числу меновых не имеет значения тот факт, что размер удовлетворений может быть не известен немедленно.

Поскольку именно этот критерий зачастую используется в цивилистической доктрине для внутренней дифференциации всех возмездных договоров на меновые и алеаторные, хотелось бы узнать, как тогда, по мнению автора, следует дифференцировать указанные разновидности возмездных договоров?

5. Проводя разграничение между возражением и секундарным правом, в качестве одного из таких отличий диссертант признает допустимость отказа от возражения после заявления (с. 116 Диссертации).

Это утверждение кажется нам небесспорным прежде всего логически, поскольку в качестве критерия дифференциации используется, как кажется, ее последствие. Кроме того, само существование такого последствия нуждается в дополнительной аргументации, которое хотелось бы услышать в рамках публичной защиты. Утверждение же автора о признании допустимости такого отказа отечественной правоприменительной практикой на примере 2 актов апелляционных судов кажется некоторым преувеличением.

Продолжая, соответствующее разграничение возражений и секундарных прав, на с. 118 диссертант указывает, что еще одной особенностью эксцепций следует считать наличие определенного периода для их заявления.

В связи с этим утверждением возникает ряд вопросов. Отмеченное автором есть сущностная специфика эксцепций или лишь отражение реалий современного процессуального законодательства? А разве в отношении секундарного права нет периода для их заявления? Так, содержащееся в абз. 2 п. 23 постановления Пленума ВАС РФ от 17.11.2011 № 73 показывает наличие таких темпоральных ограничений относительно реализации секундарного права на расторжение договора, а предписания п. 2 ст. 429.2 ГК РФ – секундарного права на акцент оферты.

6. На с. 128-129 Диссертации автор утверждает о необходимости признать право на рассматриваемую эксцепцию «за солидарными должниками: например, продавец требует с покупателя (солидарного должника 1) оплаты за товар полностью, требование к солидарному должнику 2 при этом не предъявляет, но нет сомнений в том, что даже в таком случае должник 2 должен иметь право на возражение о неисполнении встречного обязательства, поскольку удовлетворение требования к должнику 1 повлияет на внутреннюю раскладку между солидарными должниками».

Это утверждение представляется сомнительным. Не совсем понятно, откуда следует вывод диссертанта? На наш взгляд, он противоречит существу эксцепции как субъективного права, а также предписаниям позитивного материального и процессуального права. Его можно было бы понять, если бы автор придерживался бы концепции единства солидарного

обязательства, однако это подход диссертант уверенно (и на наш взгляд, обоснованно) отвергает (с. 158-159 Диссертации).

Кроме того, солидарный должник 2 в приведенном диссертантом примере не нуждается в подобной защите, поскольку защищен во внутренних отношениях (через принцип добросовестности, допустимость переноса внешних возражений на внутренние отношения содолжников и т.д.), и ни на какую внутреннюю раскладку, вопреки утверждению автора, это не повлияет.

Наконец, сомнительность своего же ранее сделанного вывода подтверждает сам диссертант, применительно к сюжету пассивного солидаритета на с. 158-159 рассуждая над вопросом, распространяется ли заявление одного из солидарных должников на понуждение к исполнению обязательства в натуре на остальных: «Нам близок подход, который предлагает регулирование заявлений о пропуске исковой давности: по общему правилу заявление, сделанное одним из солидарных должников, не распространяется на других соответчиков. Он определяется природой пассивного солидаритета, в рамках которого солидарные обязательства понимаются как множество. Отсюда следует, что заявление одним из солидарных должников *exceptio non (non rite) adimpleti contractus* не должно распространяться на остальных должников, поскольку у каждого из них собственное обязательство».

7. На с. 147 Диссертации автор утверждает, что «право заявить эксцепцию после отказа от нее может справедливо блокироваться запретом противоречивого поведения. Отсюда следует, что после отказа от эксцепции, лицо должно утрачивать право на заявление в будущем, если никакие новые обстоятельства не добавились».

На наш взгляд, это объяснение (эксцепция есть, но ее реализация не допускается) внутренне противоречиво и вступает в конфликт со сделанным диссертантом выводом, что отказ от эксцепции приводит к ее прекращению (утрате).

Указанные замечания и поставленные вопросы являются частными, носят дискуссионный характер и не могут поколебать высокой оценки проведенного Г.Г. Волковым исследования. Методика, комплексность и объем исследования обеспечивают достоверность полученных результатов,

содержание автореферата соответствует содержанию диссертации. Диссертация отвечает всем требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Волков Григорий Геннадиевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Павлов А.А. _____

«05» октября 2026 года

Контактные данные:

тел.: +7 (812) 363-60-95, e-mail: _____

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

12.00.03 – Гражданское право, семейное право, предпринимательское право, международное частное право.

Адрес места работы:

199106, г. Санкт-Петербург, В.О., 22-я линия, д. 7,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
юридический факультет, кафедра гражданского права
Тел.: +7 (812) 363-60-95

